

К 200-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В.А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I (июнь—декабрь 1812 г.)

В статье показывается, как события, ход и характер Отечественной войны 1812 г., отношение к ней русского общества отражались в манифестах, указах, рескриптах, декларациях императора Александра I.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; законодательные акты Александра I; Наполеон Бонапарт; Тильзитские договоры России с Францией; русский народ в Отечественной войне 1812 г.

The paper shows how the events, the course and character of the War of 1812, the attitude of Russian society are reflected in the manifestos, decrees, rescripts, declarations of the Emperor Alexander I.

Key words: Patriotic War of 1812; acts of Alexander I; Napoleon Bonaparte; Tilsit agreements of Russia with France; the Russian people in the Patriotic War of 1812.

25 декабря 1812 г. (6 января 1813 г.)¹ Александр I объявил своим Манифестом «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» об изгнании наполеоновских войск с территории Российской империи. Его величество заявлял в этом документе: «Уже нет ни единого врага на лице земли Нашей; или лучше сказать, все они здесь остались, но как? — мертвые, раненые и пленные. Сам гордый повелитель и предводитель их едва с главнейшими чиновниками своими отселе скакать мог, растеряв все свое воинство и все привезенные с собою пушки, которые более тысячи, не считая зарытых и потопленных им, отбиты у него и находятся в руках Наших. Зрелище погибели войск его невероятно! Едва можно собственным глазам поверить»². Все это означало, что война России с Францией, начавшаяся 12 (24) июня 1812 г. вторжением в российские пределы наполеоновской армии, завершилась.

* tomsinov@yandex.ru

¹ Все даты в этой статье приводятся по Юлианскому календарю, действовавшему в то время в России; в скобках даются даты по Григорианскому летоисчислению, применявшемуся в западно-европейских странах.

² Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы / Сост. и автор вступ. ст. В.А. Томсинов. М., 2011. С. 23.

Она была недолгой, но предельно ожесточенной. Первый эшелон армии вторжения составлял примерно 450 000 чел. В ходе войны Наполеон перебросил на территорию Российской империи дополнительно еще около 190 000 человек³. По подсчетам историков, из всего этого огромного количества войск (ок. 640 000 чел.) Наполеон потерял в России убитыми и пленными более 550 000 чел.⁴

Противостоявшие наполеоновским войскам русские военные силы были разделены на три армии: Первая Западная армия, находившейся под командованием генерала от инфантерии М.Б. Барклая-де-Толли, насчитывала примерно 120 000 человек; во Второй Западной армии, которой командовал генерал от инфантерии П.И. Багратион, было всего 45–48 000 человек; Третья Обсервационная армия под командованием генерала от кавалерии А.П. Тормасова, располагавшаяся на юге на территории Волынской губернии, имела около 45 000 человек⁵. Таким образом, наполеоновская армия вторжения более чем в два раза превосходила по своей численности русские войска.

К этому следует добавить, что у императора Франции имелось значительно больше возможностей пополнения своих войск, двинувшихся в поход против России, нежели у Александра I. Общая численность французской армии на начало 1812 г. составляла 850 000 человек. Кроме того, Наполеон располагал войсками своих союзников (Италии, герцогства Варшавского, германских княжеств) общей численностью в 337 000 человек. В его распоряжении находились, таким образом, вооруженные силы общим числом в 1 187 000 человек. Все сухопутные силы Российской империи составляли на 1 января 1812 г. 517 682 человека регулярных войск⁶.

Несмотря на столь значительный перевес в военных силах, русские не помышляли о мире с французами. 7 августа 1812 г. командующий 2-й Западной армией генерал П.И. Багратион писал управляющему канцелярией императора Александра I генералу А.А. Аракчееву: «Слух носится, что вы думаете о мире. Чтобы помириться, Боже сохрани! После всех пожертвований и после таких сумасбродных отступлений мириться: вы поставите всю Россию против себя, и всякий из нас за стыд поставит носить мундир. Ежели уже так пошло, — надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах; **ибо война теперь не обыкновенная, национальная**»⁷ (выделено мною. — *В.Т.*).

Подобную оценку давал войне 1812 г. и Федор Николаевич Глинка (1786–1880). Будучи офицером и участником боев с наполеонов-

³ См.: *Безотосный В.М.* Кампания 1812 года // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 6.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. С. 69–70, 86.

⁷ Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. Л., 1941. С. 54.

ской армией, он последовательно в течение всего времени, пока шли бои, записывал свои впечатления о них в жанре писем другу. В 1821 г. часть этих писем, посвященная боевым действиям на территории России, была издана с параллельными текстами на двух языках (русском и французском) под названием «Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года». Характеризуя в письме от 30 августа 1812 г. главную битву этой военной эпопеи, Ф.Н. Глинка писал: «О, мой друг! Какое ужасное сражение было под Бородиным! Сами французы говорят, что они сделали 60 000 выстрелов из пушек и потеряли 40 генералов! Наша потеря также очень-очень велика. Князь Багратион тяжело ранен. ”Оценка людей, — говорит премудрая Екатерина, — не может сравниться ни с какими денежными убытками!” Но в **войне отечественной**⁸ и люди ничто! Кровь льется как вода: никто не щадит и не жалеет ее! — Нет, друг мой, ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии никогда еще не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровождаемого сражения! — Одни только русские могли устоять: они сражались под отечественным небом и стояли на родной земле»⁹ (выделено мною. — *В.Т.*). В письме от 18 декабря 1812 г. Федор Глинка заявлял: «*Отечественная война*¹⁰ переродила людей... Мой друг! Сия война ознаменована какою-то священной важностию, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное; отцы вырывались из объятий семейств, писатели из объятий *независимости* и *Муз*, чтоб стать грудью за родной предел»¹¹.

Война России с Францией отразилась во множестве воспоминаний, дневников и писем ее участников, сохранилась масса различных войсковых документов: журналов, донесений, отчетов и т.д., зафиксировавших все более или менее значимые военные события. Но самыми ценными источниками сведений об Отечественной войне 1812 г. являются, без сомнения, изданные в ходе ее манифесты, указы, рескрипты и просто распоряжения и заявления императора Александра I. Сборник таких документов был издан в 1816 г. В преамбуле к их текстам давалась следующая оценка подобным материалам: «Ничто не может быть для правдошного историка так достоверно и для соображений его озарительно, как государственные бумаги, писанные во время самых происшествий с теми живейшими чувствами, каковые тогда от них порождались, и с тою истинною и правотою, каких не было надобности не только сокращать, ниже украшать какими-либо вымыслами,

⁸ С.Н. Глинка перевел фразу «в войне отечественной» на французский язык словами «dans la guerre nationale», т.е. как «в войне национальной».

⁹ Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года, сочиненные Федором Глинкою, а на французский язык переведенные С. Глинкою. М., 1821. С. 126, 128.

¹⁰ В данном случае для перевода словосочетания «отечественная война» на французский язык С.Н. Глинка использовал слова «la guerre patriotique».

¹¹ Там же. С. 214, 216.

поелику оные пред очами всего народа совершались. Не многие других правительств принуждением и насильством внушаемые писания означены сею правдоушною искренностию, как наши российские; а потому и сохранение оных нужно для лучезарного сияния истины. В них позднейшие потомки увидят ясно и твердость правительства, и дух народа, и подвиги войск, протекших Европу с мужеством в сердце и правдою во устах»¹².

Акты, изданные Александром I с июня по декабрь 1812 г., зафиксировали меры, предпринимавшиеся самодержавной властью для организации отпора врагу, для спасения страны. В них нашли свое отражение главные события Отечественной войны, ее начало, ход и окончание, а также чувства и настроения, которыми были проникнуты в годину испытаний различные сословия русского общества, русская аристократия и сам государь.

* * *

Вторжение наполеоновских войск в пределы России началось на рассвете 12 июня 1812 г. с форсирования Немана близ Ковно (Каунаса). Незадолго до этого войскам, подошедшим для переправы к берегу, было прочитано воззвание Наполеона к армии, в котором говорилось: «Солдаты! Начинается вторая война польская. Первая кончилась пред Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия клялась иметь вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого объяснения в странных поступках своих, доколе орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Неужели почитает она нас переменившимися? Разве мы не те же воины, которые сражались под Аустерлицем? Россия поставляет нас между бесчестьем и войною. Выбор не может быть сомнителен. Итак, двинемся вперед! Перейдем Неман. — Внесем войну в ее пределы. Вторая польская война, точно как и первая, прославит оружие французское; но мир, который заключим мы, будет прочен и положит конец сему кичливому влиянию, которое Россия уже пятьдесят лет производит на дела Европы...»¹³.

Назвав затеянную военную кампанию против России «второй польской войной», французский император хотел, вероятно, показать, что одной из целей начатой им войны является восстановление поль-

¹² Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. Предуведомление.

¹³ Цит. по: *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. С официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов. Ч. 1. СПб., 1837. С. 128.

ского королевства, и привлечь этим на свою сторону поляков¹⁴. А может, всерьез думал, что исход войны с Россией решится у ее западных границ. Как бы то ни было, вместо «польской» он получил самую что ни на есть «русскую» войну.

Российский император Александр I в момент перехода наполеоновских войск через границу России находился в Вильно. Получив известие об этом, его величество 13 июня обратился с воззванием к своим войскам, гласившим: «Из давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах Нашей империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский император нападением на войска Наши при Ковно открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. На начинающего Бог. Александр»¹⁵.

Весть о том, что Наполеон пошел войной на Россию, всколыхнула все русское общество. «Русский народ поднялся как один человек, и для этого не требовалось ни прокламаций, ни манифестов, — писал в одном из своих писем из Петербурга чиновник министерства иностранных дел России Готхильф Фабер. — Правительство говорило о том, чтобы положить предел вызванному движению; но письменными приказами нельзя сдержать подобных порывов, подобному тому, как нельзя возбудить их такими приказами. Совершенно исключительное зрелище представлял этот народ, прямо подставляющий неприятелю

¹⁴ Первыми из французов переправились на восточный берег Немана саперы. Была еще ночь, но переправившиеся были сразу же обнаружены одним из казачьих разведков. Приблизившись к саперам, его командир спросил их, кто такие. «Французы», — услышал он в ответ. «Чего вы хотите и зачем вы в России?», — спросил еще раз русский офицер и получил предельно откровенное признание: «Воевать с вами, взять Вильну, освободить Польшу!» Вслед за этими словами в сторону русских полетели пули. Выстрелив в ответ на них, казачий патруль скрылся в темноте. Это было первое боевое столкновение Отечественной войны 1812 г.

¹⁵ Приказ Нашим армиям. 13 июня 1812 года // Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 7–8; также см. текст этого высочайшего приказа в издании: *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. С. 132.

лю свои открытые груди... Русская любовь к родине не похожа ни на какую другую. Она чужда всякой рассудочности; она — вся в ощущении. С одного конца России до другого она проявляется одним и тем же способом, решительно все выражают ее одинаково; это не расчет, это ощущение, и это ощущение — молния. Борьтесь и все принести в жертву, огнем и мечом — вот в чем сила этой молнии. Вступать в сделку с неприятелем — такая мысль не вмещается в русской голове. Никакое примирение невозможно, ни о каком сближении не хотят и слышать. Победить или быть побежденным, середины для русских не существует»¹⁶.

Это настроение русского общества отразилось в Именном указе императора Александра I председателю Государственного Совета и Комитета министров графу Н.И. Салтыкову от 13 июня: «Граф Николай Иванович! Французские войска вошли в пределы Нашей империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством Престола и пользой Моего народа. Все старания Мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается Мне иного, как поднять оружие и употребить все врученные Мне Провидением способы к отражению силы силой. Я надеюсь на усердие Моего народа и храбрость войск Моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственной им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное Наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили Нас препоясаться на брань. **Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве Моем.** Пребываю к вам благосклонный»¹⁷ (выделено мною. — *В.Т.*).

Текст приведенного указа составил А.С. Шишков, назначенный после удаления М.М. Сперанского на должность государственного секретаря Государственного совета.

Обыкновенно вступление России в войну объявлялось манифестом. И проект такого манифеста был подготовлен и в данном случае: его текст написал кто-то из сановников и передал на предварительный просмотр государственному секретарю А.С. Шишкову. Александр Семенович, ознакомившись с содержанием проекта, отозвался о нем

¹⁶ *Фабер Г.Ф.* Письмо из Петербурга // Недаром помнит вся Россия... К 175-летию Отечественной войны 1812 года. М., 1987. С. 45–46.

¹⁷ Именной указ, данный Председателю Государственного Совета и Комитета Министров графу Салтыкову, от 13 июня 1812 года «О необходимости поднять оружие к отражению французских войск от Российских пределов» // Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 1.

благосклонно. «Читал сей манифест и нахожу оный существом дела, мыслями, связью и слогом прекрасно написанным», — начертал он карандашом на последнем листе этого документа. Его текст сохранился и в 1870 г. был опубликован в журнале «Русская старина»¹⁸. Вторжение наполеоновских войск в пределы Российской империи представлялось в нем заранее подготовленным актом военной агрессии, ставившим своей целью порабощение и ограбление России.

Начинался текст проекта манифеста со следующего заявления: «Два лета коварством и неограниченным властолюбием умышляемое нападение на империю нашу, наконец, действие свое восприяло, вторжением неприятеля в границы наши и занятием Ковны сего 12 июня. Сим последним опытом вероломства и необузданного честолюбия французского императора положен предел нашему долготерпению, и мы подъемлем чистотою намерений наших и миролюбием освященное оружие наше на отражение кровожадного супостата»¹⁹. Далее обращалось внимание на истинные цели наполеоновских войн. «Кто не ведает о порабощении всех стран Западных под игом французского императора страждущих? Кто не испытал, что под названием ново-установленных царств французский император ищет токмо новых данников и новых жертв для окровавленного алтаря своей славы? Так, Голландия потеряла и богатства свои, и свою промышленность, и народ сей, прежде мирными искусствами и мореходством отличавшийся, ныне раболепствует Франции в бедности и беславии; так, цветущий Неаполь сделался добычею французской ненасытности; и так называемое независимое королевство Вестфальское более самых французских провинций истощается беспрестанными денежными налогами и беспрестанною войною»²⁰. В проекте манифеста подчеркивалось, что именно такую участь Наполеон предназначил России, а вместе с ней и Польше.

Основное содержание рассматриваемого документа было посвящено описанию взаимоотношений России и Франции в годы, предшествовавшие начавшейся войне, и усилий, предпринимавшихся российским государем для сохранения мира. В заключительной части проекта манифеста выражалась надежда на то, что русский народ снова защитит свою родину от вражеского нападения: «Народ, который в младенчестве своем сотряс иго азиатских победоносцев, от коих имени вся Европа трепетала; народ, который посреди мятежей и безначалия нашел в беспримерной храбрости своей средства к изгнанию полчищ иноплеменных; народ, который удивил вселенную быстрыми своими шагами в поприще славы: таковой народ, без сомнения, не ослабит

¹⁸ Манифест о войне России с Францией 1812 года // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 447–453.

¹⁹ Там же. С. 447–448.

²⁰ Там же. С. 448.

и ныне усилий своих к защищению земли русской, семейств, стяжания и независимости любезного отечества. Мы же в умилении сердца Нашего совокупно с ними воссылаем мольбы ко Всевышнему, да примет Он под всемогущий покров свой правое наше дело и, увенчав оборонительные Наши усилия вожделенными успехами, да прославит он между людей своих святое имя Свое, — яко отец всякой правоты и мститель ухищрения и пролития крови невинной»²¹.

О том, почему российский император отказался принимать манифест с таким содержанием, можно только догадываться. Вполне возможно, что не понравились его величеству изложенные в нем пространные оправдания предпринятых Россией в последние годы внешнеполитических действий — Александр I очень не любил оправдываться, а может, просто скучным, не воодушевляющим на войну с врагом показалось государю содержание этого проекта, или же Александр I думал в то время, что сможет одолеть Наполеона и без участия народа русского, одною лишь армией своею. Но верней всего прав был Г.-Ф. Фабер, простой чиновник российского министерства иностранных дел, заметивший в своей книге «Русские люди в 1812 г.»: «Русский народ поднялся, как один человек, и для этого не требовалось ни прокламаций, ни манифестов».

Спустя три недели после вторжения войск Наполеона в Россию стало очевидным, что одной армией, без помощи народа, это нашествие не отразить — Наполеон располагал вооруженными силами, которые почти втрое превосходили по своей численности войска, имевшиеся в распоряжении Александра I. Поэтому 6 июля российский император обратился к своим подданным с воззванием о сборе ополчения из представителей всех сословий. Данное воззвание было издано в виде манифеста. Его содержание в полной мере соответствовало такой форме законодательного акта.

Начинался манифест с указания на чрезвычайную опасность для России вторжения в ее пределы сильной армии, собранной французским императором из войск нескольких иностранных держав: «Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силой и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска Наши, кипящие мужеством попать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнoderжавные силы велики, и что отважность его тре-

²¹ Там же. С. 453—454.

бует неусыпного против нее бодрствования»²². Отсюда делался вывод о невозможности защитить страну одной лишь армией без содействия всего народа. В качестве способа оказать помощь армии Александр I предлагал местному российскому дворянству создавать ополчение. «Сего ради, при всей твердой надежде на храброе Наше воинство, — заявлял его величество, — полагаем Мы за необходимо нужное: собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех. Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему Москве; а ныне взываем ко всем Нашим верно-подданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единократным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ Русский! храброе потомство храбрых славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют»²³.

6 июля 1812 г. — в день, когда появился Манифест «О сборе внутри государства земского ополчения», — Александр I подписал еще один весьма примечательный акт, а именно «Трактат о заключении мира между Россией и Англией»²⁴.

Он прекращал состояние войны, в котором обе державы находились с 24 октября (5 ноября) 1807 г., т.е. с момента издания декларации «О разрыве мира с Англией», объявившей о том, что российский император «прерывает всякое сообщение с Англией, отзывает свое посольство, там бывшее», и не желает иметь в России ничего английского²⁵. Предпринятый названной декларацией шаг означал одновременно перерыв и торговых отношений между Россией и Англией. Этой мерой Александр I исполнял положения заключенного в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. тайного соглашения с Наполеоном — так называемого «Договора о союзе наступательном и оборонительном»²⁶, предусматри-

²² Манифест от 6 июля 1812 года «О сборе внутри государства земского ополчения» // Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 6.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 7–9.

²⁵ 1-ПСЗРИ. Т. 29. № 22633. С. 1308.

²⁶ См. его текст в издании: *Traité d'alliance offensive et defensive conclu à Tilsit le 25 Juin (7 Juillet) 1807* // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 89. СПб., 1893. С. 60–62.

вавшего в ст. 5 объявление войны Англии в случае отказа британского правительства заключить мир с французским императором. Вместе с тем разрыв мира с Англией был ответом российского императора на предательство ею своего союзника во время войны 1805–1807 гг. с Францией. Данная война в полной мере отвечала лишь английским интересам, тем не менее, втянув в нее Россию, Англия бросила ее на произвол судьбы. В декларации «О разрыве мира между Россией и Англией» были приведены конкретные факты предательства Англией своего союзника. Александр I выражал в этом документе удивление тем, что «в собственном ее деле она пребывала в бездействии. Взвизывая равнодушно на зрелище кровопролитной брани, ею воспаленной, она посылала между тем войска свои к овладению Буэнос-Айра²⁷» и Египтом. Более того, указывал российский самодержец в декларации от 24 октября (5 ноября) 1807 г., действуя «против доброй веры и точных и самых явственных выражений трактатов, Англия угнетала на море торговлю подданных Его Величества; и в какое время? Тогда, как кровь России проливалась в знаменитых сражениях, где против войск Его Величества были направлены и удерживаемы все воинские силы Его Величества императора французского, с коим Англия была, как и теперь еще находится, в войне»²⁸.

Утвержденный императором Александром 6 (18) июля 1812 г. «Трактат о заключении мира между Россией и Англией» отражал резкий поворот его внешней политики. Вместе с тем данный трактат являлся одновременно мерой, прямо направленной против Наполеона.

Французский император вел войну, в сущности, только против одной страны — Англии. Его военные походы против других европейских стран были, за редким исключением, всего лишь частью этой большой войны, от исхода которой зависела судьба Франции. Французская экономика не могла подняться в условиях свободного доступа английских товаров на европейский рынок: они были дешевле и качественнее и при свободной конкуренции легко заполняли бы и рынок самой Франции, разоряя ее промышленность. Но закрыть европейский рынок для английских товаров можно было лишь совместными действиями всех или хотя бы ведущих стран Европы. Побудить эти страны к таким действиям Наполеон и рассчитывал посредством их завоевания. Он полагал, что правительства завоеванных стран ему нетрудно будет заставить проводить единую политику по отношению к Англии, особенно если четко прописать ее основные принципы в специальном законодательном акте.

Такой акт был издан Наполеоном после разгрома Пруссии. 21 ноября 1806 г.. В Берлине он подписал «Декрет, объявляющий британ-

²⁷ Имеется в виду Буэнос-Айрес — столица Аргентины.

²⁸ 1-ПСЗРИ. Т. 29. № 22633. С. 1306.

ские острова в состоянии блокады»²⁹. В нем были прописаны меры, направленные на полное прекращение на европейском континенте торговли продукцией английской промышленности, т.е. на установление системы континентальной блокады Британии вплоть до насильственного захвата и конфискации кораблей и имущества торговцев, заподозренных в ведении коммерческих операций с англичанами. К этой системе были вынуждены присоединиться все европейские страны, подчиненные Наполеону: Италия, Голландия, небольшие германские государства, Пруссия, Австрия (с лета 1809 г.). Заключенным в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. Александром I с Наполеоном тайным «Договором о союзе наступательном и оборонительном» обязательство присоединиться к блокаде британских островов взяла на себя и Россия. Британское правительство ответило на политику континентальной блокады такими же мерами: торговая война между Англией, с одной стороны, и Францией с ее союзниками — с другой, вступила в свою самую острую фазу.

Военный поход французского императора во главе полумиллионной европейской армии против России был, в сущности, продолжением этой войны. В сохранившихся бумагах Наполеона самое раннее свидетельство тому, что он стал допускать возможность вступления Франции в войну с Россией, относится к 3 марта 1811 г. Этим днем датировано его письмо к министру иностранных дел Ж.-Б.Н. де Шампаньи. «Мне кажется, — писал в нем французский император, — что надо добавить несколько пассажей, которые бы дали знать, что я совершенно не буду воевать из-за указа и тарифа, но я буду принимать меры против последствий дурного духа, вызванных этим актом, и что **я не начну войны, если только Россия не захочет помириться с Англией**»³⁰ (выделено мною. — *В.Т.*).

В свете этих слов подписанный российским императором 6 (18) июля 1812 г. «Трактат о заключении мира между Россией и Англией» приобретал особое значение среди законодательных актов периода Отечественной войны. Его издание показывало, что военный поход Наполеона против России приводит к прямо противоположному результату, нежели тот, которого французский император стремился добиться посредством его.

Начиная 12 июня 1812 г. военную кампанию против России, Наполеон не мог не понимать, что завоевать эту страну при ее пространствах и народе, привыкшем довольствоваться весьма скудным матери-

²⁹ Décret qui declare les îles britanniques en état de blocus. 21 novembre 1806 // Collection complete des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-D'État, publiée sur les éditions officielles du Louvre; de l'imprimerie nationale, par Baudouin; et du bulletin de lois. T. 16. A Paris, 1826. P. 66–68.

³⁰ Lettres inédites de Napoléon I (An VIII — 1815) publiées par Léon Lecestre. Tome second (1810–1815). Paris, 1897. P. 116.

альным достатком, практически невозможно³¹. Однако он и не ставил перед собой задачи покорить Россию. Многие обстоятельства и в том числе высказывания самого Наполеона указывают на то, что мысль о войне против России возникла в нем в тесной связи с его мыслями о судьбе континентальной блокады. Понимая, что без участия России никакого сколько-нибудь плодотворного результата политика блокирования английской торговли не даст, он искал способ принудить ее к активным действиям в этом направлении. Очевидно, Наполеону нужен был новый договор с Россией об ее участии в блокаде Англии, однако опыт тильзитского договора «о союзе наступательном и оборонительном», по которому Россия брала на себя такое обязательство, показывал, что само по себе соглашение между двумя государствами является слабой гарантией того, что оно будет ими соблюдаться. Россия едва ли не с самого начала не считала для себя нужным исполнять полностью статью названного договора, предусматривавшую ее присоединение к континентальной блокаде. Но по мере роста ее военного могущества стала принимать меры и против французской торговли. В этих условиях желание Наполеона сохранить и упрочить систему блокады Англии диктовало ему только один способ решения проблемы под названием «Россия» — военный.

Чтобы Россия стала более податливой для политики континентальной блокады, надобно было превратить ее в слабое государство. Ведь Наполеону нужен был новый договор о континентальной блокаде не просто с Россией, а со слабой Россией. Достичь ее ослабления можно было не только военным способом, но французский император был человеком армейским — он и государством своим управлял так, как управляют армией. Война являлась его профессией и потому казалась самым лучшим способом решения политических проблем.

О том, что мысль о военном походе на Россию вызрела в сознании Наполеона на почве проводившейся им политики континентальной блокады и что война против России была для него не чем иным, как продолжением этой политики, свидетельствует уже сам характер подготовки французского императора к военному удару по России. Эта подготовка не только не скрывалась, но как будто даже специально демонстрировалась императору Александру.

Открытая и даже демонстративная подготовка Франции к войне с Россией, формирование Наполеоном огромной (приблизительно полумиллионной) армии вторжения, периодически повторяемые им

³¹ «Я не до такой степени не понимаю своих выгод, чтобы ринуться в войну против великой державы, которая обладает огромными средствами и которой храбрые войска будут защищать свои собственные жилища», — говорил Наполеон 30 марта (11 апреля) 1811 г. в разговоре с посланником Александра I полковником А.И. Чернышевым (Донесения полковника А.И. Чернышева императору Александру Павловичу) // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 21. СПб., 1877. С. 76).

высказывания о том, что на самом деле он войны с Россией не желает, но вынужден пойти на нее, чтобы предотвратить ее союз с Англией, — все это заставляет думать, что французский император смотрел на свой военный поход в Россию, помимо прочего, еще и как на грандиозный военный спектакль, призванный произвести впечатление на Европу, Россию, российского императора. Он почему-то решил, что война — это лучший способ добиться выгодного для себя мира, и думал, что если войдет в Москву, то Александр I немедленно начнет с ним мирные переговоры. Наполеон не догадывался, что в России монарх только по названию самодержец, что нет у него власти остановить войну русских людей против чужой армии, пришедшей на их землю, что такая война всегда неизбежно превращается в ОТЕЧЕСТВЕННУЮ, которую прекратить в России может только РУССКАЯ ПОБЕДА.

«Трактат о заключении мира между Россией и Англией», утвержденный императором Александром 6 (18) июля 1812 г., демонстрировал такую же решимость русского государя победить в войне с наполеоновской Францией, какую выражали слова «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве Моем», венчавшие его указ «О необходимости поднять оружие к отражению французских войск от Российских пределов», данный председателю Государственного Совета и Комитета министров графу Н.И. Салтыкову 13 июня 1812 г.

Не дожидаясь ратификации «Трактата о заключении мира между Россией и Англией», Александр I Именным указом, данным Сенату 4 августа 1812 г., повелел открыть английскому флагу все российские порты на Балтийском, Белом, Черном и Азовском морях, для того чтобы между Российской империей и Английским королевством начались «торговые сношения со всякою бозопасностию» и «на основании ныне существующих узаконений»³².

12 сентября 1812 г. Александр I издал Манифест, в котором позволил всем российским подданным «на основании существующих законов с подданными Великобританского королевства, яко с союзною, издревле дружественною с Нами державою, вступать беспрепятственно и безопасно во всякие торговые сношения»³³.

15 сентября 1812 г. Именным указом Александра I, данным Сенату, с английских торговых кораблей было снято эмбарго, наложенное высочайшим Указом от 28 октября 1807 г.³⁴

³² Именной, данный Сенату, от 4 августа 1812 г. «О восстановлении с Англиею мира и о начатии торговых с оною сношений, на основании существующих узаконений» // 1-ПСЗРИ. Т. 32. № 25197. С. 405.

³³ Манифест «О торговых сношениях между Россиею и Англиею» // 1-ПСЗРИ. Т. 32. № 25223. С. 421.

³⁴ Именной указ, данный Сенату, от 15 сентября 1812 г. «О снятии с английских купеческих кораблей эмбарго и об освобождении от секвестра имущества, англичанам принадлежащего» // Там же.

Манифест «О торговых сношениях между Россией и Англией» и Указ «О снятии с английских купеческих кораблей эмбарго и об освобождении от секвестра имущества, англичанам принадлежащего», были изданы в то время, когда Наполеон пребывал в Москве. Он вступил в древнюю столицу России 3 (15) сентября вслед за своими войсками, которые вошли в город днем ранее. Французский император надеялся именно здесь подписать с Александром I новый мирный договор и потому не спешил покинуть Москву, задержавшись в ней на целых 35 дней, хотя буквально каждый день промедления с выступлением отсюда ухудшал положение обитавшей в ней наполеоновской армии³⁵. Наполеон не знал, что Александр I вскоре после получения известия об оставлении Москвы русскими войсками выпустил декларацию во всенародное известие, в которой подтвердил данную в Именном указе графу Н.И. Салтыкову от 13 июня 1812 г. клятву не складывать оружия до тех пор, пока ни единого неприятельского воина не останется на территории России. Сообщая о вступлении врага в Москву, его величество старался утешить своих подданных. «Но да не унывает от сего великий народ российский, — восклицал Александр I в своей декларации. — Напротив, да поклянется всяк и каждый воскипеть новым духом мужества, твердости и несомненной надежды, что всякое наносимое нам врагами зло и вред обратится напоследок на главу их. Неприятель занял Москву не от того, чтоб преодолел силы наши или бы ослабил их. Главнокомандующий по совету с первенствующими генералами нашел за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы с надежнейшими и лучшими потом способами превратить кратковременное торжество неприятеля в неизбежную ему погибель. Сколь ни болезненно всякому русскому слышать, что первопрестольный град Москва вмещает в себя врагов Отечества своего; но она вме-

³⁵ По мнению Дениса Давыдова, эта задержка роковым образом сказалась на судьбе наполеоновской армии, вошедшей в Москву. «И подлинно, — писал он, вспоминая о событиях Отечественной войны, — выступи армия сия на 14 дней прежде, то ни один замысел фельдмаршала (Кутузова. — *В.Т.*) не достиг бы до полной зрелости. Армия наша не успела бы усилиться частью войск, сформированных князем Лобановым; в лагере учение рекрут и поступивших в линейные полки ратников не пришло бы к окончанию; с Дону не успели бы прибыть 24 полка казаков, что с находившимися при армии полками составило более 20 тысяч истинно легкой конницы, причинившей столь много вреда неприятелю во время его отступления; дух армии не возвысился бы от победы, одержанной над неприятельским авангардом 6 октября». По словам героя Отечественной войны, последние 14 дней пребывания Наполеона в Москве «довершили расстройство неприятельской армии. Недостаток в продовольствии оказался уже по истечении 20-дневного срока, ибо все, что еще оставалось под рукою, все окончательно израсходовалось, а по израсходовании всего бродяги умножились и разврат обуял все части армии. Если бы армия сия выступила 14 дней прежде, то она не только избегла бы голода, но и прошла бы все расстояние от Москвы до Смоленска путем сухим и погодою ясною, по той причине, что осень была необыкновенно теплая, а стужи и вьюги поднялись только 22 октября, то есть в то время, в которое неприятель мог уже быть за Смоленском» (*Давыдов Д.В.* Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона. М., 1825. С. 31–33).

щает их в себя пустая, обнаженная от всех соковищ и жителей»³⁶. При этом русский государь счел необходимым еще раз уверить своих подданных, что не заключит мира с Наполеоном, захватившим Москву: «Гордый завоеватель надеялся, вошед в нее, соделаться повелителем всего российского царства и предписать ему такой мир, какой заблагорассудит; но он обманется в надежде своей и не найдет в столице сей не только способов господствовать, ниже способов существовать... Не в ту страну зашел он, где один смелый шаг поражает всех ужасом и преклоняет к стопам его и войски, и народ. Россия не привыкла покорствовать, не потерпит порабощения, не предаст законов своих, Веры, свободы, имущества. Она с последнею в груди каплею крови станет защищать их. Всеобщее повсюду видимое усердие и ревность в охотном и добровольном против врага ополчении свидетельствует ясно, сколь крепко и непоколебимо Отечество наше, ограждаемое бодрым духом его сынов. Итак, да не унывает никто, и в такое ли время унывать можно, когда все состояния государственные дышат мужеством и твердостью?»³⁷

Пророчества этой декларации Александра I осуществились полностью. Спустя месяц своего пребывания в древней столице России Наполеон осознал, что оказался в ловушке, из которой надо немедленно вырваться. Выступив из Москвы утром 7 (19) октября, французский император спустя десять дней достиг Бородинского поля. Еще через три дня он был в Вязьме. 24 октября (5 ноября) его видели с гвардией в Дорогобуже. 28 октября (9 ноября) Наполеон добрался до Смоленска. Выступив ранним утром 2 (14) ноября из Смоленска, он к вечеру 7 (19) ноября оказался в Орше. Отечественная война явно подходила к своему очевидному, predetermined многими обстоятельствами завершению.

3 ноября 1812 г. — в день, когда Наполеон был на пути из Смоленская в Оршу — Александр I издал Манифест «О изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества». Выражая в нем признательность русским ратным людям, дворянам, купцам и мещанам, проявившим в борьбе с опасным врагом мужество, верность и любовь к Отечеству, российский император одновременно рисовал картину обрушившейся на русскую землю войны. Он обращал особое внимание на тот факт, что вместе с французскими войсками в Россию вторглись австрийские, прусские, саксонские, баварские, виртембергские, вестфальские, итальянские, испанские, португальские и польские полки; что целями Наполеона было разорение России, разрушение религиозных и нравственных устоев русского общества,

³⁶ Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, следовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 36.

³⁷ Там же. С. 37–38.

лишение русских людей самостоятельной государственности. «Убийства, пожары и опустошения следовали по стопам его, — отмечалось в Манифесте. — Разграбленные имущества, сожженные города и села, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганные храмы и алтари Господни, словом: все неслыханные доселе неистовства и лютоści, открыли напоследок то самое в делах, что в глубине мыслей его долгое время таилось. Могушественное, изобильное и благополучное Царство Российское рождало всегда в сердце врага страх и зависть. Обладание целым светом не могло его успокоить, доколе Россия будет процветать и благоденствовать. Исполнен сей боязнью и глубокой ненавистью к ней, вращал, изобретал, устроил он в уме своем все коварные средства, которыми бы мог нанести силам ее страшный удар, богатству ее всеконечное разорение, изобилию ее повсеместное опустошение. Даже хитрыми и ложными оболъщениями мнил потрясть верность к престолу, поруганием же Святыни и храмов Божиих поколебать Веру, и нравы народные заразить буйством и злочестием. На сих надеждах основал он пагубные свои замыслы, и с ними, наподобие тлетворной и смертоносной бури, понесся в грудь России»³⁸.

Манифест «О изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества» был издан в то время, когда наполеоновская армия находилась еще на территории России. Но картина ее состояния, которая давалась в этом акте, не оставляла никаких сомнений относительно исхода войны. Это была картина бегущих в беспорядке вражеских войск, оставляющих пушки, обозы, бросающих тысячами на произвол судьбы своих раненных и больных. В свете такой картины совсем не преждевременным оказывалось изъявление Александром I благодарности русским людям всех сословий. Для ее выражения автор текста Манифеста³⁹ нашел простые и в то же время душевные слова: «Внимая с отеческим чадолюбием и радостным сердцем сим великим и знаменитым подвигам любезных Наших верноподданных, вначале приносим Мы теплое и усердное благодарение источнику и подателю всех отрад, Всемогущему Богу; потом торжественно от лица всего Отечества изъявляем признательность и благодарность Нашу всем Нашим верноподданным, яко истинным сынам России. Всеобщим их рвением и усердием доведены неприятельские силы до крайнего истощения, и главной частью или истреблены, или в полон взяты. Все единодушно в том содействовали. Храбрые войска Наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил. Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному

³⁸ Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 11–12

³⁹ Им был скорее всего тогдашний государственный секретарь адмирал и писатель Александр Семенович Шишков (1754–1741).

только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения, в самом скором времени сообразные, явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов. Твердая грудь их и смелая рука с такой же неустрашимостью расторгала полки неприятелей, с какой за несколько перед тем недель раздирала плугом поля»⁴⁰.

В Манифесте особо выделялся подвиг, совершенный крестьянами, простыми русскими людьми. «Многие селения, — отмечалось в нем, — скрывали в леса семейства свои и малолетних детей, а сами, вооружась и поклявшись перед Святым Евангелием не выдавать друг друга, с невероятным мужеством оборонялись и нападали на появляющегося неприятеля, так что многие тысячи одного истреблены и взяты в плен крестьянами, и даже руками женщин, будучи жизнью своей обязаны человеколюбию тех, которых они приходили жечь и грабить. Столь великий дух и непоколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков»⁴¹.

Заканчивался Манифест от 3 ноября 1812 г. следующими словами русского государя: «*Почитаем за долг и обязанность сим Нашим всенародным объявлением изъяснить перед целым светом благодарность Нашу и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу Российскойскому*»⁴².

Война разорила помещичьи и крестьянские хозяйства Смоленской и Калужской губернии, нанесла огромный урон купечеству, оставила большие разрушения в городах, сильно пострадали от европейских варваров и церкви. 10 декабря 1812 г. Александр I утвердил Положение Комитета министров «О продовольствии разоренных жителей и об устройстве Смоленской и частью Калужской губерний», представлявшее собой обширную программу помощи населению указанных губерний, план преодоления всех вообще последствий вражеского вторжения⁴³.

В этом Положении предусматривалось, в частности, «для продовольствия разоренных поселян Смоленской губернии составить запасы в Тамбовской и частью в Тульской губернии, произведя закупку на счет казны через избранных от дворянства чиновников, без огласки для отвращения возвышения цен, или, буде издержки на сие будут для казны тяготительны, заимствовать хлеб из сельских магазинов оных же, или и прочих губерний с доставлением в Смоленскую». Такой запас продовольствия предполагалось сделать для 200 000 душ, преимущественно казенных и удельных крестьян; помещичьим же крестьянам предписывалось оказывать помощь только в случае, когда помещики, «не имея достаточной собственности в других губерниях, лишены способов к доставлению им продовольствия». «Положение» допускало

⁴⁰ Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 12.

⁴¹ Там же. С. 13.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 13–20.

выделение пособий и для помещиков других губерний, если они будут испытывать в нем нужду, но такое пособие было предложено давать «заимообразно», обеспечивая его возвращение «при первом урожае, с тех же самых имений»⁴⁴. На закупки хлеба для казенных и помещичьих крестьян, «кои потерпели совершенное разорение и вовсе не имеют способов к своему продовольствию», из государственной казны выделялся миллион рублей. Крестьяне и мещане освобождались от податей за вторую половину 1812 г. и за весь будущий год. Устанавливался запрет на взыскание в разоренных селениях недоимок. Купцы же, приписанные к городам Смоленской и Калужской губерний, которые были заняты неприятелем, и претерпевшие разорение, освобождались от платежа процентов с капиталов за будущий год, если они оставались «на прежнем местопребывании и в прежних гильдиях»⁴⁵.

Вечером того дня, которым было датировано приведенное Положение об оказании помощи разоренным жителям Смоленской и Калужской губерний, император Александр I прибыл в Вильно — город, в котором он встретил начало Отечественной войны. 12 декабря у государя был день рождения, ему исполнялось 35 лет. На следующее утро по прибытии его величество собрал у себя генералов и тепло поблагодарил их за службу. Затем отправился с ними и с великим князем Константином Павловичем на войсковой парад. Прибывшие из Петербурга сановники и генералы сразу же заметили, что русская армия не та, что была прежде. Одеты несравненно проще — так, как должно одеваться для длинных, утомительных переходов и боев. Даже солдаты-гвардейцы и те напоминали своей толстой неуклюжей обувью и простой одеждой более крестьян, нежели храбрых воинов. А уж строем и вовсе ходить разучились. Император Александр заметно помрачнел. А брат его Константин, глядя на проходящие мимо нестройные ряды русского войска, не смог сдержать негодования: «**Эти люди только и умеют, что сражаться!**» — вскричал с досадой великий князь.

Список литературы

1. Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы / Сост. и автор вступ. ст. В.А. Томсинов. М., 2011.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т. 32. СПб., 1830.
3. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 21. СПб., 1877; Т. 89. СПб., 1893.
4. Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816.
5. Lettres inédites de Napoléon I (An VIII — 1815) publiées par Léon Lecestre. T. 2 (1810–1815). Paris, 1897.

⁴⁴ Там же. С 14.

⁴⁵ Там же. С 18.